

DOI: 10.46698/VNC.2022.83.44.002

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ИСТОРИИ В ТВОРЧЕСТВЕ АДЫГСКИХ ПОЭТОВ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Л.Б. Хавжокова

Проблема художественной интерпретации исторических фактов и событий является одной из малоизученных в современном адыгском и в целом в северокавказском литературоведении. Ее актуальность обусловлена тем, что в настоящее время существует определенный пробел в восстановлении страниц прошлого адыгского этноса, воссоздании целостной картины национальной литературы и культуры, с выявлением факторов, повлиявших на ход их развития. Научная новизна работы состоит в том, что в ней предпринята попытка изучения истории народа сквозь призму художественно-поэтического сознания адыгов (черкесов). В статье представлено комплексное исследование темы Кавказской войны и махаджирства в адыгской (кабардинской, черкесской, адыгейской) поэзии периода становления и начального этапа эволюции. Цель исследования – сформировать художественную концепцию истории адыгского этноса. Достижение поставленной цели требует решения ряда задач, главная из которых – рассмотреть Кавказскую войну и махаджирство не как историческую, политическую или культурную парадигму, а с точки зрения особенностей авторского типа мировосприятия, в конкретном авторском дискурсе. В соответствии с целью и задачами исследования проведен анализ первых поэтических произведений, посвященных обозначенным историческим событиям, определена роль поэтов старшего поколения (Х. Хамхоков, Б. Пачев, А. Шогенцуков, А. Кешоков) в раскрытии «табуированной» до середины XX в. и, следовательно, новаторской темы. К исследованию привлечен ряд общенаучных методов (анализ, описание, сравнительно-исторический метод и т.д.). Полученные результаты могут найти применение при изучении истории адыгской поэзии и в более обширном плане – литературы народов Северного Кавказа и Российской Федерации.

Ключевые слова: адыгская поэзия, становление, историзм, Кавказская война, махаджирство, художественное осмысление, авторский дискурс.

Кавказская война и ее трагические последствия – бесчисленные жертвы и массовый исход в пределы Османской империи – оставили неизгладимый след не только в истории, но и в культуре и литературе адыгов. Народная поговорка гласит «Зауэм и клэр хьэдагъэц» – «Конец войны – трагедия (букв. похороны, оплакивание усопших)». Кавказская война завершилась настоящей трагедией, состоявшей не только в огромных человеческих потерях, которые, по определению А.С. Мирзоева, были «равнозначны демографической катастрофе» [1, 161], но и в вы-

селении большей части кавказских этносов за пределы их исторической родины. В трудах историков последнее явление обозначено термином «махаджирство» («мухаджирство») (см.: [2]), который, на наш взгляд, наиболее полно отражает последствия Кавказской войны. Ее итогом стало «распыление» горских народов, в частности, адыгского этноса по всему свету, в том числе в Османской империи, странах Балканского полуострова, Сирии, Иордании, Ливане, Иране, Ираке, Месопотамии, Египте. Подобный «разброс» в расселении горцев объяснялся предупреждением и предостережением от опасности, которую, по мнению противников, мог представлять этот народ в своей совокупности и сплоченности.

Тема Кавказской войны и махаджирства долгое время – более века после завершения этих событий – была табуирована идеологическими ограничениями и оставалась преданной забвению как в историографии, так и в литературе. Первые попытки ее художественного воплощения датируются раньше, чем исторические источники. В качестве подтверждения возможно обращение не только к фольклорным материалам, многие из которых (историко-героические песни, например), были созданы в период войны, но и к литературным источ-

никам начала XX в., в частности к произведению «Исход в Стамбул» («ИстамбылакIуэ», 1901–1902) Б. Пачева. Однако первым художественным произведением, в котором наиболее подробно была отражена трагедия выселения адыгов, следует признать поэму «Тисовое дерево» (1952–1954) А. Кешокова. Приведенные факты позволяют заключить, что уже к середине XX в. были предприняты единичные попытки художественного освещения темы исторической памяти народа.

В настоящее время национальная литература располагает обширным художественным материалом, отражающим трагические события XVIII–XIX вв. Масштабы и драматизм Кавказской войны и махаджирства получили широкое освещение в крупных прозаических жанрах: «Последний из ушедших» Б. Шинкуба, «Кавказ», «Черкесы. Балканская история» М. Кандур, «Жернова», «Лазутчик», «Белая птица» И. Машбаша, «Черная гора» Н. Кукеека, «Горсть земли» Б. Тхайцухова, «Громовый гул», «Поиски богов», «Неизвестный» М.(А.-Г.) Лохвицкого, «На берегах моей печали», «Непокоренные» М. Адзинова и др. По свидетельству ряда исследователей (Л.А. Бекизова, К.Г. Шаззо, А.Х. Мусукаева, Ю.М. Тхагазитов и др.), тема Кавказской войны и махаджирства во многом способствовала

становлению жанра исторического романа в адыгской литературе.

В драматургии рассматриваемая тема представлена лишь одним произведением – драматической поэмой «Исход в Стамбул» («ИстамбылакӀуэ») З. Аксирова. Это объясняется, во-первых, тем, что в период наиболее интенсивного развития национальной драматургии, отмеченный в литературоведении и литературной критике как 50–80-е гг. XX в., с одной стороны, рассматриваемая тема оставалась отчасти закрытой не только для научного исследования, но и художественного воплощения (хотя, как отмечалось выше, предпринимались некоторые попытки ее осмысления), с другой – литература в целом была подвержена влиянию существовавшей идеологии. Во-вторых, начиная с 90-х гг. прошлого века до настоящего времени, драматургия в своем развитии значительно уступает прозе и поэзии, что объясняется особенностями самого литературного процесса и кризисом национальных театров. За последние десятилетия были созданы и поставлены на сцене в основном небольшие комедийные зарисовки, в которых воспроизводятся злободневные проблемы общества.

В адыгской поэзии, как и в прозе, тема исторической памяти получила широкое и глубокое нравствен-

но-философское освещение. Лирические и лиро-эпические произведения о трагическом прошлом народа встречаются в творчестве практически всех (за редкими исключениями) адыгских (кабардинских, черкесских, адыгейских) поэтов. Даже названия книг некоторых авторов национально маркированы и насыщены этноспецифической символикой. Таковы, например, сборники стихов: «Адыгом быть нелегко» («Адыгэу ущытыныр гугъущ») М. Бемурзова, «Слезы адыгов» («Адыгэ нэпсхэр») М. Нахушева, «Земля отцов» («Адэжь щыналъэ») Х. Бештокова и др.

Поэзия, как и литература в целом, является одним из основных фонов, на котором отображаются важнейшие процессы, протекающие в разных сферах жизнедеятельности человека. Истинная поэзия не только впитывает и проносит через века печать современной ей эпохи, но и обладает свойством ретроспективного воспроизведения событий далекого прошлого. Проблема историзма поэзии актуальна во все времена, поскольку художественная ретроспекция исторических фактов и коррелирование духовных ценностей разных эпох является одной из важнейших задач литературы в целом.

Как ранее отмечалось, тема Кавказской войны и махаджирства в адыгской литературе, в частности в

поэзии, была разработана в начале XX в. Впервые она была освещена поэтами старшего поколения, в числе которых Хусен Хамхоков, Бекмурза Пачев, Али Шогенцуков, Алим Кешоков и др.

Адыгейский поэт Хусен Хамхоков (1881–1934) в одном из своих стихотворений указывает на первопричину выселения адыгов, параллельно подчеркивая мысль о «бесмысленности войны»:

Когда неправый хочет власти
И над тобой, и надо мной,
Привычный мир разъят на части
Такой бессмысленной войной! [3, 37]
(Пер. В. Твороговой)

Поэт убежден в том, что страницы истории не должны быть преданы забвению. Именно поэтому он ощущает себя одним из тех, кто обязан донести до последующих эпох и поколений даже незначительные, казалось бы, факты, о которых история порой умалчивает: *«Все это было, было, было – / Не погасить, не повернуть... / Но что история забыла – / Напомню я / Когда-нибудь»*, – писал поэт [3, 37].

Одним из первых национальных авторов, обратившихся к проблеме махаджирства, был кабардинский поэт Бекмурза Пачев (1854–1936). Его произведения о тяжелой жизни адыгов на чужбине основаны на реальных фактах и событиях, проверенных

самим поэтом. По воспоминаниям Али Шогенцукова, опубликованным в 1940 г. в газете «Социалистическая Кабардино-Балкария», «Пачев, разгневанный сельским старшиной, пишет поэму “Ой, Кабарда муго”¹. Он был осужден с конфискацией имущества. В поисках убежища, вместе с семьей, он решается переселиться в Турцию. В году 1833-м, взяв в руки палку, будучи один, пешком отправляется в Турцию, направляется в сторону Арзрума» [4].

Временем похода Б. Пачева в Турцию исследователь его творчества И.Х. Пшибиев отмечает начало осени 1900 г, а датой возвращения – первое полугодие 1901 г. При этом И.Х. Пшибиев отмечает другую причину похода поэта в страны проживания адыгов: «Чтобы свести народ с неверного пути, чтобы разоблачить злые деяния представителей духовенства, многое было сделано активистами горских народов, – пишет он. – В этом плане можно назвать имена Инала Канукова (Осетия), Кязима Мечиева (Балкария), Локмана Кодзокова, Бекмурзы Пачева (Кабарда), Халида Абукова (Черкесия) и др. Бекмурза задается целью узнать, как поживают адыги, переселяющиеся в чужие страны, в частности, в Турцию. С этой целью он отправляется в Турцию» [5, 6].

Писатель и исследователь А.Т. Шортанов отметил два периода по-

хода Б. Пачева в Турцию – 1866, 1900 гг. Однако, независимо от точной даты и причины посещения поэтом стран проживания адыгов, важно то, что он был разочарован жизнью на чужбине. Увидев истинные масштабы трагедии махаджирства, обратился к своим соотечественникам с призывом: «Тлуаццлэбей фипсэ-ухъыж, фызыццалъхуа хэкум и цы-багъкълэ насып фыщымылъыхъуэ!» [6, 60]. – «Живите [у себя] в Тушабей², не ищите счастья за пределами своей родины!». Впоследствии, в 1901–1902 гг., поэт написал два произведения – «Стамбул» («Истамбыл») и «Память» («Фэеплъ»), записанные И.Х. Пшибиевым в апреле 1953 г. со слов Хажумара Келеметова – друга и односельчанина Б. Пачева.

«Стамбул» был опубликован в декабре 1954 г. в газете «Кабардинская правда» («Къэбэрдей пэж») к 100-летию со дня рождения Б. Пачева. Его жанр в научной литературе определен по-разному: в некоторых из них рассматривается как поэма, в других – как стихотворение. Изучив содержательные и структурно-композиционные особенности произведения, мы склоняемся ко второй из приведенных версий.

Ценность стихотворения «Стамбул» в первую очередь состоит в том, что он является одним из первых произведений, посвященных описанию тяжелой жизни адыгов на чужбине.

Страдания махаджиров передаются посредством художественного воссоздания ненавистной им обстановки, чужих мест, непривычной культуры. Б. Пачев показывает Стамбул в негативных тонах: в стихотворении наблюдается чрезмерно частое использование эпитетов «черный», «ненавистный», «проклятый» и т.д.:

*Мы гъуццл гъуэгужьыр тенджызым
луохъэр,
Кхъухъыжъу зежэхэри зэрыфэфьццлэ,
Тенджыз фьццлэжъхэри
мэзэрызохъэ... [7, 245]*

Эта проклятая железная дорога
ведет к морю,

До чего же черны корабли,
плывущие [по морю],
Бушуют черные моря³...

(Перевод подстрочный. – Л.Х.)

Стихотворение «Память» также посвящено проблеме махаджирства. В нем, как и в «Стамбуле», звучит призыв к сохранению адыгского этноса на исторической родине:

*Фи ныбжьэгъухэм я нэхъ
вгъэццлэгъуэми,
Я адэ фьгъуэр хуэмыгъэIэпхъуэ,
Фи сабийхэр фымыгъэIэпхъуэ
Тырку жылэгъухэр къыфхузолъагъу...
[5, 118]*

Даже самым особенным вашим
друзьям
Не удастся переправить отцовские
богатства,

Не переселяйте своих детей,
Я разведал для вас ваших
[будущих] односельчан.
(Перевод подстрочный. – Л.Х.)

В приведенной строфе под «отцовскими богатствами» подразумеваются духовные ценности, отчий край, могилы предков, которые невозможно было ни оставить, ни взять с собой при переселении. В последних двух строках поэт предупреждает о том, что ничего хорошего (в конкретном случае – хороших односельчан-соседей) на чужбине не ожидается. Таким образом, стихотворение «Память», как и «Стамбул», имело социальное значение: по словам Х. Келеметова, «благодаря Бекмурзе случаи переселения адыгов в Турцию стали реже, впоследствии, вообще прекратились» [8, 118].

Предостережение народа от опасности, предупреждение бед и страданий, ожидающих его на чужбине, стали также лейтмотивом стихотворения «Махаджиры» Б. Пачева. В заключительных строках произведения описывается трагичный для всех горских народов итог переселения:

*Фи правэр клуэдыну
кбыщыхагъэщккэ,
Фи унафэщкхэр кбыщагъэтутккэ,
Фызытет хабзэхэри
фщагъэгъупщэниц [7, 247].*

Когда намекают, что ваши права
будут ущемлены,

Когда ваших правителей приручают,
Вас заставят забыть [ваши]
традиции.
(Перевод подстрочный. – Л.Х.)

Если в указанных выше стихотворениях Б. Пачев писал о трагедии махаджирства открыто, то в ранних стихах Али Шогенцукова (1900–1941), созданных в период его пребывания в Турции, эта проблема имплицирована в глубоком подтексте произведений. В стихотворении «Нана» («Нанэ», 1917), как и в «Стамбуле» Б. Пачева, описана ненавистная переселенцу обстановка в чужой стране. Вот как представлен Стамбул в третьей строфе стихотворения:

*Щыхъэрщ... И лъабжьэр тенджызу,
Гызыжу кхъухъхэр къеищыллэу,
Хъэпшыпхэр плэккэ кърахыу,
Ферс флейккэ нанэр щальэщцу [9, 57].*

Столица... Основанная на море,
[К которой] стена, подползают
корабли,
[Где] вещи разгружают на плечах,
[И] вытирают лицо грязной феской.
(Перевод подстрочный. – Л.Х.)

Слова «стена», «подползают» (вместо «причаливают», например), «грязная» задают основной тон стихотворения, а в данном конкретном случае символизируют *хэхэс дуней* – мир махаджиров.

Если в стихотворении «Нана», в частности в приведенном фрагмен-

те, представлена внешняя сторона проблемы махаджирства – трудные условия существования на чужбине, то в другом стихотворении «В турецком саду» («Тырку хадэм», 1917) А. Шогенцуковым обозначены внутренние – нравственно-духовные – аспекты исследуемой трагедии. Здесь непосредственно взаимосвязаны два аспекта одной и той же проблемы: проживание в чужой стране, в среде чуждой культуры приводит к утрате языка и других традиционных духовных ценностей. В стихотворении «В Турецком саду» лирический герой возмущен тем, что две черкешенки Сатаней и Жанпаго на его адыгское приветствие ответили турецким «Merhaba»⁴ (в стихотворении – «Мэрхьэбэ»). В заключительных строфах параллельно с констатацией истинных бед, порожденных Кавказской войной и махаджирством, выражается надежда на искоренение глобальной проблемы – разобщенности нации и утраты языка:

*Тхьэлухуду мы ди шьтхьу дахэхэм
Хамэлъыр щацилэпъадэклэ,
Иклэ дыдэу мы тураньжьхэм
Адыгащхьэр щыхуагъэлъахъшэклэ –*

*Кавказым я щлалэгъуалэу
Лей гъэгъун зи адэжь имыдэхэм
Ямыдэнклэ си гур мэзугъэри
Сыхуогубжь Жанпагуэ дахэм*

[9, 59–60].

Когда жилы этих наших
сестер-красавиц
Заполняются чужой кровью,
Когда перед этими низкими
тиранами
Склоняются адыгские головы –
Сердце надеется, что молодежь
Кавказа,
Чьи предки не прощали обид,
Не позволит [более] этому быть,
[Поэтому] гневаюсь на Жанпаго
прекрасную.

(Перевод подстрочный. – Л.Х.)

Отмеченные выше стихотворения А. Шогенцукова завершают определенный период в адыгской поэзии, когда тема Кавказской войны и махаджирства впервые была художественно разработана. Хронологические рамки этого периода в целом можно обозначить как первые два десятилетия XX в., а именно – начиная с 1901–1902 гг., когда вышли в свет первые произведения Х. Хамхкова и Б. Пачева на рассматриваемую тему, заканчивая 1917 г. – временем написания стихотворений «Нана» и «В турецком саду» А. Шогенцукова. Такая непродолжительная эпоха выделена нами не случайно: во-первых, она стала началом осмысления и художественного воспроизведения рассматриваемой исторически значимой темы, во-вторых, ее ценность подчеркивается тем, что последующие за ней три десятка лет – вплоть

до середины 50-х гг. XX в. – наблюдался огромный пробел в ее освещении. Это было обусловлено рядом причин, в числе которых две основные – идеологические ограничения и политические репрессии 1937 г., оборвавшие жизнь и творчество большой плеяды поэтов и писателей.

Начиная с середины XX в. Кавказская война и махаджирство стали объектом внимания многих адыгских авторов, работавших в разных жанрах литературы. Одним из первых лиро-эпических произведений, в котором наиболее развернуто и открыто отразились рассматриваемые события далекого прошлого, стало «Тисовое дерево» (1955) Алима Кешокова. Первая глава поэмы «Юбилей» была опубликована на кабардино-черкесском языке в 1954 г. в альманахе «Кабарда». В 1955 г. вышла в свет полная версия произведения, состоящая из 11 глав. В том же году поэма издана на русском языке в переводе С. Липкина.

Как ранее отмечалось, в поэме «Тисовое дерево» осмыслены трагические страницы истории, воссоздана правдивая картина прошлого адыгского народа. Идеинный замысел произведения воплощен в образе одного из очевидцев войны – столетнего Рау. Главный герой поэмы – Рау (Хакурино, Урускан) – родился в жестокие времена, когда весь Кавказ горел в огне войны, сжигались адыг-

ские аулы, а население подвергалось бесчеловечным расправам. Рау был рожден в печи – единственном месте, где в то время мать смогла бы сохранить жизнь своему ребенку. Мотив рождения в огне берет начало в адыгском фольклоре, в частности в сказании «О рождении Шауей» («Щэуей къызэралъхуар») из нартского эпоса. Место рождения определило имя героя поэмы – *Хакурино* (*Хьэкурунэ*) – букв. «Оставленный в печи».

Через развитие образа Хакурино автор воссоздал реальную картину войны. Тяжелая доля мальчика-сироты символизирует историю народа, оказавшегося на перепутье судьбы. В поэме символизирована каждая художественная деталь, образы тисового дерева, песка, Черного моря, имена персонажей и т.д. Второе имя главного героя – Рау, которое он получил по неизвестной причине, ассоциируется с Ра – именем Бога солнца в египетской мифологии. Будучи очевидцем трагедии и носителем правдивой информации о прошлом, старец Рау, словно солнце, «проливает свет» на историю народа.

По мере развития сюжета, в поэме появляется и третье имя героя – Урыскъан (букв. «Воспитанник русского»). Он получил его после знакомства с русским оружейником Федотом. В положительном обра-

зе данного персонажа – наставника Хакурино – автор трансформировал устоявшуюся в национальном сознании мысль о виновности всей русской нации в трагедии адыгов. В лице своего воспитанника Федот любит и уважает весь адыгский народ, как и Федор Данилович Анаскевич из исторической повести «Белая птица» И. Машбаша. При этом важно заметить, что при описании этих образов и А. Кешоков, и И. Машбаш использовали не эмотивно-насыщенные эпитеты-характеристики, призванные представить деспота или гуманиста, а реалистические детали, конкретизирующие общую картину в ее реальном проявлении и наполнении.

В поэме «Тисовое дерево» художественная правда часто сливается с историческими фактами. В ней достоверно описываются события Кавказской войны и ее исход. При этом автор в высокохудожественной форме интерпретирует и воспроизводит эти события в тесной взаимосвязи с эмоциональным состоянием махаджиров, их психологическим восприятием происходящего. В лице каждого персонажа поэт обобщает миллионы человеческих судеб и целого этноса. С позиций драматизированного мировосприятия переселенцев автор с глубоким психологизмом описывает процесс их эмиграции:

*Лгэс ешахэр маклуэр хуэму,
Яхур ахэм я пицылл лгэаггүэр.
Махуэр хуабэу икли уэму,
Пицылл ггүэмьлэу ялэ ццлаггүуи
А тхьэмьцккэхэм ццымьлэ,
Яч лгэбакгүэм ньтогулэ [10, 54].*

Уставшие пешие идут медленно,
Идут своей рабской тропой.
День жаркий и знойный,
Не имея [даже] рабской еды,
[Идут] эти несчастные,
Оплакивая каждый свой шаг.

(Перевод подстрочный. – Л.Х.)

Главный образ-символ поэмы – одинокое тисовое дерево, стоящее на берегу Черного моря и олицетворяющее трагическое прошлое народа. Тысячелетнее дерево побеждено временем: он стар, беззащитен, коряв, но не покорен и по-прежнему стоит на том же берегу, где когда-то стал очевидцем гибели миллионов адыгов. Выбор тисового дерева в качестве одного из главных персонажей поэмы не случаен: он «живет исключительно долго, <...> тис называют Деревом вечности. В дуплистых тисовых деревьях внутренняя древесина, особенно в увлажненном состоянии, имеет фактуру и цвет свежего мяса, и если сделать надрез, то кажется, что дерево кровоточит» [11]. Данное свойство тисового дерева символизирует неизлечимые раны адыгского этноса. Вместе с тем, все части растения чрезвычайно ядо-

виты. По замыслу автора подобное свойство тиса символизирует горечь последствий Кавказской войны. В целом же, согласно общепринятой интерпретации символики дерева, оно ассоциируется с возрождением, перерождением, а с долговечностью тиса автор связывает надежду на светлое будущее.

А. Кешоковым не случайно конкретизировано и место, где растет тисовое дерево – берег Черного моря, который стал «кладбищем» махаджиров.

Существует мнение о том, что тис «охраняет врата между этой жизнью и жизнью будущей. <...> Кроме того, с древних времен тис, как священное Древо бессмертия, ассоциируется с местами захоронения, где он защищает и очищает мертвых» [11]. Героиня поэмы Урзила была похоронена под тисовым деревом, который был свидетелем их любви с Хакурино.

Таким образом, поэма «Тисовое дерево» является одним из наиболее масштабных и достоверных источников информации о событиях Кавказской войны и махаджирства.

Исследование, проведенное в статье, позволяет заключить, что обращение адыгских поэтов старшего поколения к теме исторической памяти позволило воссоздать художественную концепцию судьбы народа, способствовало развитию историзма лирики и эволюции поэтических жанров в национальной литературе. Художественное осмысление таких глобальных событий, как Кавказская война и махаджирство, инициировали появление новаторских сюжетов, образов-символов и, главное, направили эволюцию поэзии в национально маркированное русло, «освободив» ее от идеологических установок.

Примечания:

1. «Уей, Къэбэрдей мыгъуэ» – букв. «Ой, Кабарда несчастная (проклятая)».
2. Туашабей – каб. Тлуащлэбей («тлуащлэ» – междуручье, двуречье + «бей» – богатый – букв. «Богатое междуручье») – так называют махаджиры свою историческую родину – именно Кабардино-Балкарию.
3. Подразумеваются волны Черного моря.
4. *Merhaba* – Здравствуй(те).

1. Мирзоев А.С. Кавказская война – название, научное определение, хронология и периодизация // Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания). Нальчик: КБИГИ РАН, 2014. С. 133–163.
2. Дзидзария Г.А. Мухаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми: Алашара, 1975. 525 с.
3. Хусен Хамхоков. Истины глашатай непокорный: Избранные строки из поэзии / Сост. Р.Б. Унарокова. Майкоп, 2010. 88 с.
4. Шогенцуков А.А. Бекмурза Пачев. [На каб.-черк. яз.: ПащIэ Бэчмырзэ] // Социалистическая Кабардино-Балкария. 1940. 17 ноября.
5. Пишибиев И.Х. Добрые всходы: Литературно-критические статьи. [На каб.-черк. яз.: Псыпэ лъэужьыфIэ: Лит.-критическэ тхыгъэхэр]. Нальчик: Эльбрус, 1993. 144 с.
6. Пишибиев И.Х. «Камень Бекмурзы». [На каб.-черк. яз.: Бэчмырзэ и мывэ] // Бекмурза Пачев: Жизнь и творчество / Сост. А.М. Бицуев. Нальчик: Эльбрус, 2009. С. 59–66.
7. Бекмурза Пачев: Жизнь и творчество. [На каб.-черк. яз.: ПащIэ Бэчмырзэ: И гъащIэмрэ и лэжьыгъэмрэ] / Сост. А.М. Бицуев. Нальчик: Эльбрус, 2009. 352 с.
8. Бекмурза Пачев. Сочинения: Стихотворения и поэмы. [На каб.-черк. яз.: Усыгъэхэр] / Сост. Х.Г. Кармоков, И.Х. Пишибиев, Ф.М. Хашукоева. Нальчик: Эльбрус, 2003. 376 с.
9. Али Шогенцуков. Сочинения. [На каб.-черк. яз.: Усыгъэхэр] / Сост. А.Х. Хакуашев. Нальчик: Эль-Фа, 2006. 544 с.
10. Кешоков А.П. Тисовое дерево. [На каб.-черк. яз.: Тис жыг]. Нальчик: Кабардинское кн. изд-во, 1955.
11. Тис (Yew) – Дерево Воскрешения, Дерево Вечности. Конец в начале и начало в конце... / Заимствовано из книги «Кельтская мудрость деревьев». Джейн Гиффорд / Пер. с англ. Глеба Косова [электронный ресурс]. URL: <http://www.oldtax.us/?p=05>.

Khavzhokova, Lyudmila B. – Institute for Humanitarian Studies, KBSC RAS (Nalchik, Russia); lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

ARTISTIC REFLECTION OF HISTORY IN THE WORKS OF THE ADYGHE POETS OF THE OLDER GENERATION.

Keywords: *Adyghe poetry, formation, historicism, Caucasian war, eviction, artistic comprehension, author's discourse.*

The problem of artistic interpretation of historical facts and events is one of the little-studied in modern Adyghe and in general in the North Caucasian literary criticism. Its relevance is due to the fact that at present there is a certain gap in the restoration of the pages of the past of the Adyghe ethnic group, the reconstruction of a holistic picture of national literature and culture, with the identification of factors that influenced the course of their development. The scientific novelty of the work lies in the fact that it attempts to study the history of the people through the prism of the artistic and poetic consciousness of the Adyghe (Circassians). The article presents a comprehensive study of the theme of the Caucasian war and eviction in the Adyghe (Kabardian, Circassian, Adyghean) poetry of the period of formation and the initial stage of evolution. The purpose of the study is to form an artistic concept of the history of the Adyghe ethnic group. Achieving this goal requires solving a number of tasks, the main of which is to consider the Caucasian war and eviction not as a historical, political or cultural paradigm, but from the point of view of the characteristics of the author's type of worldview, in a specific author's discourse. In accordance with the purpose and objectives of the study, an analysis of the first poetic works dedicated to the designated historical events was carried out, the role of poets of the older generation (Kh. Khamhokov, B. Pachev, A. Shogentsukov, A. Keshokov) in the disclosure of the "taboo" until the middle of the twentieth century was determined. and therefore an innovative theme. A number of general scientific methods (analysis, description, comparative historical method, etc.) are involved in the study. The results obtained can be used in the study of the history of the Adyghe poetry and, more broadly, the literature of the peoples of the North Caucasus and the Russian Federation.

References

1. Mirzoev, A.S. *Kavkazskaya voina – nazvanie, nauchnoe opredelenie, khronologiya i periodizatsiya* [Caucasian war – name, scientific definition, chronology and periodization]. *Kavkazskaya voina: aktual'nye problemy istoricheskogo diskursa (k 150-letiyu okonchaniya)* [Caucasian war: actual problems of historical discourse (to the 150th anniversary of the end)]. Nalchik, KBIGI RAN, 2014, pp. 133–163.
2. Dzidzariya, G.A. *Mukhadzhirstvo i problemy istorii Abkhazii XIX stoletiya*

[Muhajirism and problems of the history of Abkhazia in the 19th century]. Sukhumi, Alashara, 1975. 525 p.

3. Unarokova, R.B. (comp.). *Khusen Khamkhokov. Istiny glashatai nepokornyi: Izbrannye stroki iz poezii* [Husen Khamhokov. Herald of truth recalcitrant: Selected lines from poetry]. Maykop, 2010. 88 p.

4. Shogentsukov, A.A. *Bekmurza Pachev* [Bekmurza Pachev]. *Sotsialisticheskaya Kabardino-Balkariya* [Socialist Kabardino-Balkaria]. November 17, 1940.

5. Pshibiev, I.Kh. *Dobrye vskhody: Literaturno-kriticheskie stat'i* [Good seedlings: Literary-critical articles]. Nalchik, El'brus, 1993. 144 p.

6. Pshibiev, I.Kh. "Kamen' Bekmurzy" ["Stone of Bekmurza". Comp. A.M. Bitsuev]. *Bekmurza Pachev: Zhizn' i tvorchestvo* [Bekmurza Pachev: Life and work]. Nalchik, El'brus, 2009, pp. 59–66.

7. Bitsuev, A.M. (comp.). *Bekmurza Pachev: Zhizn' i tvorchestvo* [Bekmurza Pachev: Life and work]. Nalchik, El'brus, 2009. 352 p.

8. *Bekmurza Pachev. Sochineniya: Stikhotvoreniya i poemy* [Bekmurza Pachev. Works: Poems and poems]. Nalchik, El'brus, 2003. 376 p.

9. *Ali Shogentsukov. Sochineniya* [Works]. Nalchik, El'-Fa, 2006. 544 p.

10. Keshokov, A.P. *Tisovoe derevo* [Yew tree]. Nalchik, Kabardinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1955.

11. Tis (Yew) – *Derevo Voskresheniya, Derevo Vechnosti. Konets v nachale i nachalo v kontse... / Zaimstvovano iz knigi "Kel'tskaya mudrost' derev'ev"*. Jane Gifford. *Per. s angl. Gleba Kosova* [Tree of Resurrection, Tree of Eternity. The end is at the beginning and the beginning is at the end... / Borrowed from the book The Celtic Wisdom of Trees. Jane Gifford. Translation from English by Gleb Kosov]. [Electronic resource]. URL: <http://www.oldtax.us/?p=05>